

«ПРАВИТЕЛЬСТВО», КОТОРОЕ НЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Эррико Малатеста

26 декабря 1931

Весьма тяжёлые личные и семейные обстоятельства отвлекли меня от своевременного ответа на последнюю (насколько я знаю) статью *Пардайяна*.

Прошу прощения за задержку и отвечаю теперь, полагая, что лучше поздно, чем никогда.

* * *

Итак, *Пардайян* согласен со мной и со всеми анархистами в том, чтобы «абсолютно отвергать» правительство, которое есть то, что вообще понимается под правительством и которое было и есть всякое существовавшее и существующее правительство, то есть орган, который создаёт закон и навязывает его всем посредством материальной силы.

Только у него есть слабость к слову «правительство», и, оставаясь анархистом, он хотел бы сохранить его, изменив его значение.

Эррико Малатеста
«ПРАВИТЕЛЬСТВО», КОТОРОЕ НЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
26 декабря 1931

L'Adunata dei Refrattari, год 10-й, №47

ru.anarchistlibraries.net

Он спрашивает меня: «Могут ли анархисты, не переставая быть таковыми, допускать правительство, которое не имело бы антилибертарного значения обычного правительства?»

Отвечаю: да. Если я, например, изменяю значение слова «палач», я вполне могу допустить существование палача с доброй и чувствительной душой, который не обидел бы и мухи; или если я придам слову «шёлк» значение «электрическая лампа», я вполне могу допустить существование стула, который бы светился.

Но к чему было бы так революционизировать словарь? Очевидно, к тому, чтобы понимать друг друга ещё меньше, чем прежде.

И почему Пардайян, который хотел бы, чтобы анархисты составили силу, способную мощно влиять на ход событий, не колеблется вступить в противоречие с массой анархистов и создать новые поводы для раскола, а значит, для слабости, – из-за причуды называть правительством то, что правительством не было бы?

Он рассуждает так: народ привык быть управляемым и подчиняется правительству, каково бы оно ни было; в определённые моменты он может свергнуть данное правительство, но делает это с мыслью увидеть его заменённым лучшим правительством. Кто проворнее займёт место, оставленное павшим правительством, и скажет «*правительство – это я*», тот немедленно будет признан и ему тут же будут подчиняться. Сделаем так, чтобы мы первыми сказали «*правительство – это мы*», и сможем сделать не анархию, но столько добра, сколько удастся, а тем временем отнимем у политиканов возможность воспользоваться ситуацией.

Пусть простит меня товарищ Пардайян, если я скажу ему несколько резко: его рассуждение и его намерение кажутся мне настолько наивными, что почти инфантиль-

2. – использовать рабочие организации для разрушения и строительства, избегая при этом зол и опасностей синдикализма;

3. – обеспечить снабжение народа без вмешательства центральной власти, которая, обладая монополией на предметы первой необходимости, стала бы худшим и самым могущественным из тиранов;

4. – обеспечить вооружение для всего населения: вещь необходимая, ибо если бы кто-то (индивид, партия или класс) обладал монополией на вооружённую силу, он в конечном счёте стал бы господином всего и всех.

Моё пожелание – чтобы все работали над решением – теоретическим и практическим – этих проблем, не исключая, разумеется, и другой сотни проблем, которые кто-то другой сможет сформулировать.

Если мы сможем прийти все к согласию, тем лучше; а если нет – пусть каждый по-своему делает всё, что может.

Поле борьбы огромно; есть место для всех добрых волей.

Эррико Малатеста

народ учится организовываться и действовать сам. Но от правительства «анархистов» кто бы нас освободил?

* * *

Больно видеть, как растрачивается столько энергии и столько доброй воли в тщетной попытке отличиться от других, когда в глубине души мы согласны, и сказать новое, когда в действительности новых идей нет. Больно видеть, что обновление, возведённое с таким шумом, сводится в конце концов к мало серьёзному предложению изменить значение слова.

Пусть успокоятся товарищи «ревизионисты». Мы отнюдь не «догматики». Мы, как и они, терзаемы поиском лучшего; мы, как и они, знаем, что есть много идей, которые надо пересмотреть, много проблем, которые надо изучить глубже; и мы с симпатией принимаем любое мнение о нашей прошлой стратегии, любую критику, любое предложение, даже противоречащее нашим взглядам, чтобы посмотреть, что из этого можно извлечь на пользу общему делу. Но мы – анархисты и хотим остаться анархистами, а писания «ревизионистов» производят впечатление – говорю за себя лично, – что они хотят совершить эволюцию к авторитарным методам. Отсюда раскол и отсюда резкость полемики.

* * *

Есть четыре проблемы, которые, по моему мнению, для анархистов всех стран являются важнейшими проблемами настоящего момента.

1. – участвовать в восстании со всеми прогрессивными революционными силами, не давая себя поглотить и подчинить партиям более многочисленным, более богатым и лучше организованным;

ны, ибо, конечно, не было бы серьёзным делом называть себя правительством и не делать того, что должно делать правительство и чего люди от него ждут, то есть издавать указы и заставлять их исполнять посредством полиции, армии, судей и тюремщиков.

Пардайян говорит, что у него сложилось впечатление (не знаю, откуда взятое), будто я, принимая предложение придать слову «правительство» либертарное значение, чтобы пользоваться им *по-своему*, уже готов искать вместе с ними (ревизионистами) лучший способ помешать этому правительству стать тем, чем оно абсолютно не должно быть.

Но если правительство будет состоять из анархистов, кто возьмётся удерживать его в пределах, назначенных ему *Пардайяном*? Это могли бы быть только анархисты, не находящиеся в правительстве, – то есть анархисты должны были бы сдерживать правительство, сформированное их товарищами, так же, как сдерживали бы любое другое правительство. Ну и что тогда!

Нет; это вина моего способа выражаться, но *Пардайян* понял меня совершенно наоборот.

Я полагаю – не считая игры слов – что мы не сможем стать правительством иначе, как в сговоре с авторитарными партиями и после того, как анархисты утратили бы то пламенное стремление к свободе для всех, которое составляет их специфический смысл существования. И полагаю, что если бы в силу исключительнейших обстоятельств нам удалось *казаться* правительством, вскоре мы захотели бы быть правительством всерьёз и не были бы лучше других.

Но предположим даже, что нам удалось бы овладеть правительством и иметь в своём распоряжении силы государства, не перестав прежде быть анархистами, и предположим, что нам удалось бы противостоять развращающему влиянию нового положения и остаться намеренными

лишь гарантировать свободу всех и способствовать общему благу, – что из этого вышло бы?

Народ, говорит *Пардайян*, привык быть управляемым, и если он свергает правительство, то всегда готов принять другое. Это верно; но этот народ, принимая правительство, ждёт, что оно будет править, то есть издавать указы и декреты и рассылать повсюду своих чиновников, чтобы их исполняли. Если указы не приходят, если не появляются новые власти с соответствующими жандармами, тогда либо народ действует сам, и в этом случае он вступил бы на путь анархизма, либо принимает другое правительство, которое действительно будет править.

* * *

Мне кажется, что *Пардайян* совершенно превратно понимает – если не высшую цель анархистов, то уж наверняка их нынешнюю задачу в социальном движении.

Наша задача – побуждать народ требовать и добиваться всех возможных свобод, обеспечивать себя самостоятельно, без ожидания приказов какой-либо власти. Наша задача – доказывать бесполезность и вредность правительства, вызывая и поощряя – проповедью и действием – все добрые индивидуальные и коллективные инициативы.

Речь идёт, словом, о том, чтобы воспитывать в свободе, поднимать людей, привыкших к покорности и пассивности, к осознанию собственной силы и собственных способностей. Нужно, следовательно, делать так, чтобы народ действовал сам, или по крайней мере верил, что действует сам – по собственному инстинкту и вдохновению, даже когда в действительности многое ему подсказано со стороны. Так хороший школьный учитель, задавая классу задачу, если ученик не способен решить её сразу, помогает ему, подсказывает решение, но старается, чтобы ученик

поверил, что дошёл до него сам, и приобрёл тем самым смелость и уверенность в своих способностях.

Это то, что мы делаем или должны делать в пропаганде. Если *Пардайян* когда-либо вёл пропаганду среди тех, кого мы с чрезмерной гордыней называем «несознательными», ему тоже приходилось делать так, чтобы не выглядеть будто он, поощающе, излагает и навязывает известную и неоспоримую истину; он стремился бы стимулировать их мысль и привести их собственным рассуждением к тем выводам, которые мог бы представить готовыми и красивыми с большей лёгкостью для себя, но с меньшей пользой для неофита. И если он когда-либо оказывался в пропаганде и в действии в роли вождя и учителя, в то время как другие были бездейтельны или неспособны, он постарался бы не упрекать их в этом, чтобы стимулировать в других мысль, инициативу и уверенность в себе.

Следуя этим критериям, необходимо, поэтому, побуждать народ сопротивляться правительству и делать по возможности так, как если бы его не было. Вместо этого *Пардайян* хотел бы заставить народ поверить, что есть правительство, когда правительства нет, и таким образом ему удалось бы парализовать действие. Он хотел бы, чтобы мы заставляли народ верить, будто мы вожди, не будучи ими, и заставляли других верить, будто их ведут, тогда как они идут сами: а это служило бы воспитанию подданных, а не свободных людей, попугаев, а не разумных людей.

В заключение: *Пардайян* хотел бы овладеть правительством, чтобы помешать другим овладеть им. Я думаю, напротив, что если правительству суждено быть, то есть если мы бессильны помешать формированию нового правительства, было бы предпочтительнее, чтобы его сформировали авторитаристы, а не «анархисты». Правительство авторитаристов могло бы найти сдерживающее начало в оппозиции анархистов и исчерпать себя по мере того, как